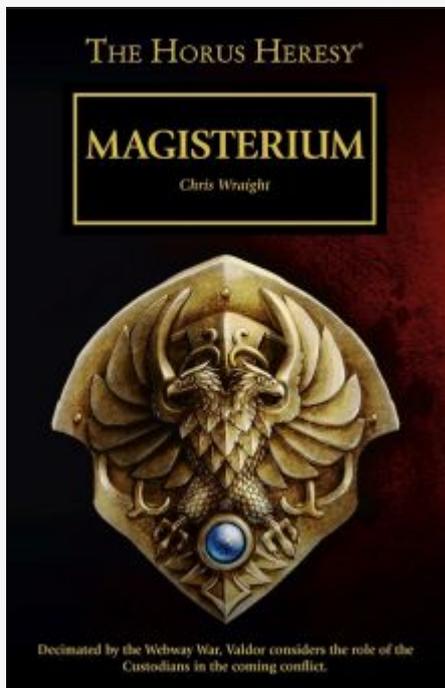

Магистериум / Magisterium (рассказ)

WARPFROG

Гильдия Переводчиков Warhammer

Магистериум / *Magisterium* (рассказ)

Автор	Крис Райт / Chris Wright
Переводчик	Хелбрехт
Издательство	Black Library
Серия книг	Ересь Гора / Horus Heresy (серия)
Входит в сборник	Вестники Осады / Heralds of the Siege
Год издания	2017
Подписаться на обновления	Telegram-канал
Обсудить	Telegram-чат
Скачать	EPUB , FB2 , MOBI
Поддержать проект	

Самон выжил.

Простой факт, который почти ничего для него не значил. Сохранение собственной жизни ради неё самой никогда его не заботило. Сама идея являлась своего рода богохульством, одним из немногих, в которые он ещё верил.

По той же причине он не был настолько самовлюблённым, чтобы жалеть о том, что не погиб с братьями

из Десяти Тысяч. Это стало бы равноценной, пусть и прямо противоположной, ошибкой, потому что скорбь являлась для него такой же чуждой эмоцией, как и гордость. И всё же само катастрофическое событие нельзя было игнорировать. Оно словно железными веригами висело на плечах всех, кто вернулся. Физические раны могли затянуться, что в основном и происходило, но это бремя не являлось физическим. Никто не произнёс слово “неудача”, и всё же оно слышалось в отзывавшейся эхом тишине башни, присутствовало в каждом шорохе выцветшей алой ткани по холодному камню, мелькало в каждом отведённом взгляде.

Самон шёл по длинной галерее. Висевшие в башне Гегемона люмены были выключены. Это отражало царившее здесь настроение – внутренние помещения почти опустели и уже начинали плесневеть в застоявшемся воздухе.

Девять из десяти. *Девять из десяти.* Сначала он не верил этому, даже не смотря на то, что сам видел масштабы резни. Никто не верил. Только после того, как портал на самом деле закрыли, а фундаменты Дворца были в безопасности, только после того, как последние потрёпанные вереницы выживших воинов в изодранных плащах и со сломанными клинками медленно потянулись в оружейные палаты, это стало казаться возможным.

Те, кто прошёл в ворота, потом много дней ждали в башне, надеясь, что ещё кто-то последует за ними, но Император лично закрыл глубинные пути и их не могли открыть снова. Все, кто направился в тот невозможный мир остановить приближение Нереальности, но ещё не вернулся, оказались потеряны.

Девять из десяти. Потери казались почти невыносимыми. Каждый кустодий являлся уникальным и бесценным творением, шедевром генетического мастерства, которого отбирали многие десятилетия, а иногда и столетия. До начала текущего конфликта, количество погибших в одном бою никогда не превышало нескольких воинов. Вера в их почти полную непобедимость пустила корни, как внутри, так и за пределами ордена. Сила порождает силу – легио Кустодес не смущались своей репутации, а напротив – поощряли самые демонстративные проявления превосходства. Их доспехи становились всё роскошнее, в геометрической прогрессии украшаясь всё более сложными узорами и знаками отличия. Уверенность, которая по словам некоторых граничила с высокомерием, – они никогда не испытывали в ней недостатка.

Самон приблизился к створкам больших дверей. Он не знал, чего ему ждать от своего господина. Впервые за долгие годы, что он служил ему, Самон не мог это с уверенностью предсказать. Мысль стала отрезвляющим открытием, пониманием, что даже его коснулась холодная рука сомнения и медленный яд неуверенности – раньше это не было очевидным.

Но не осталось времени для колебаний. Все знали, что магистр войны приближался, всё быстрее прорубая путь к месту своего рождения. Выжившим оставалось только одно: те, кто ещё мог стоять и держать меч, были обязаны найти силы сделать это снова.

При его приближении охранник башни в золотой маске открыл двери, и двойные медные створки распахнулись внутрь над голым каменным полом.

В дальней стороне зала стояли двадцать фигур. Четырнадцать были обычными людьми, советниками и адъютантами башни, облачёнными в различные доспехи и окутанными древними тканями. Пять, как и Самон, являлись непосредственно членами ордена – кустодиями легиона, невозмутимыми гигантами разрушения, которые сняли шлемы, показав испещрённые шрамами лица. Среди них был Диоклетиан, которого, несомненно, скоро провозгласят трибуном, и который одним из последних покинул поле боя

великого подземного поражения. Он получил много ран, некоторые из них были физическими.

Над всеми возвышался двадцатый, Константин Вальдор, господин Самона. Он стоял без шлема, и было видно его худое строгое лицо. Бритую кожу головы покрывали филигранные шрамы. Возраст почти не оставил след на его чертах, хотя он жил уже очень долго. Когда он говорил, голос звучал жёстко, но негромко. Даже для одного из легио, даже когда он стоял среди несравненных адептов этого места, его контроль над собственным телом был удивительным и достойным наблюдения. Вот, пока события не требуют реакции, он напоминает изваяние: совершенно неподвижный, каждая лицевая мышца пребывает в состоянии идеального покоя, и затем долю секунды спустя происходит столь неожиданное и плавное движение, которое бросает вызов ограничениям физических законов.

Но даже его прекрасные доспехи были повреждены. Многочисленные гравированные глаза, символы и знаки словно поцарапали кошачьими когтями. В некоторых местах золотая броня обгорела до чёрно-оранжевого цвета. Плащ изодрался, длинные полосы потёртой ткани свисали с помятых плеч.

- Ничего нельзя сделать? - спросил Вальдор.

Одна из офицеров в зелёной мантии с символом главной кузницы башни по имени Алей Най-Борщ, извиняясь, склонила бритую голову:

- Я потребовала больше от марсианской делегации, поскольку они единственные, кто может помочь, - сказала она. - В настоящее время наше влияние на них ограничено. Они также многое потеряли.

Вальдор кивнул:

- Сколько требуется запросить?

- Семь, капитан-генерал. К вечеру, в зависимости от усилий аптекариев, возможно, восемь.

Самон сразу понял, о чём шла речь. Корпусы дредноутов. Веками подобные запросы легко удовлетворялись, поэтому всего несколько дредноутов хранилось в холодных глубинах мавзолея башни. Теперь же необходимость в священных саркофагах резко возросла. В обычные времена процесс погребения растягивался на месяцы, вполне достаточный срок для тщательной настройки специально созданных шагателей к уникальным мысленно-импульсным решёткам владельца. Обычные времена прошли, и помощь требовалась быстро.

- Я поговорю с ними, - сказал Вальдор. - Что они хотят взамен?

- Тут вот какое дело, - ответила Най-Борщ. - Не то что бы я была уверена. Там было... я не знаю. Но я думаю, что заметила что-то вроде... стыда.

Выражение лица Вальдора не изменилось:

- Такое вполне возможно. - Он повернулся к другому офицеру, Кейну Ной-Хайласу, главному оружейнику. - Вернувшиеся воины, которые ещё могут сражаться, - произнёс он. - У вас семь дней. Каждый клинок, каждый доспех, каждое копьё. Самон предположил, что подобный график работ был невыполним. Снаряжение легио пострадало ещё сильнее, чем воины. В последние часы подземной битвы многие кустодии сражались голыми руками, повергая невообразимых врагов кулаками и сломанными древками копий. Самон был одним из них, сражаясь отключённым клинком хранителя против кошмарных воплощений ужаса. В конце концов, металл просто испарился в зловонном вонючем дыме, остались только осколки у рукояти, которыми можно было колоть. Он до сих пор помнил взгляд,

впившийся в него сквозь чуждый туман, жёлтые с прорезью глаза рептилии, бесконечно злобные и победившие.

Ной-Хайлас просто склонил голову. Как и все они, он работал несколько последних недель лишь с короткими перерывами на сон между изматывающим трудом. Он не был постчеловеком в том смысле, в каком были Диоклетиан и Самон, и подобное напряжение, вероятно, убьёт его, если всё скоро не закончится. А скоро всё не закончится.

- Как прикажете, капитан-генерал, - произнёс он.

Только после этого Вальдор повернулся к Самону:

- Надеюсь, что ты принёс хорошие новости, вестарий.

Это был архаичный титул, который мало что означал, кроме неопределённого старшинства. Самон находился рядом с капитан-генералом больше ста лет и это значило больше, чем какой-то пыльный термин Закона.

- Лорд Дорн готов принять вас, - произнёс Самон. - Это хорошие новости или плохие?

Вальдор не улыбнулся:

- Очередной примарх, - пробормотал он. Затем выражение лица изменилось, возможно, стало решительнее. - Очень хорошо, - обратился он к остальным. - Продолжайте, как и раньше. Да пребудет с вами Его защита на Троне.

Остальные склонили головы, и ушли выполнять поставленные Вальдором задачи.

- В каком он расположении духа? - спросил капитан-генерал Самона, повернувшись и направившись вместе с вестарием назад к большим створчатым дверям.

- Война оставила отпечаток на всех нас, - нейтрально ответил Самон.

Вальдор фыркнул:

- Значит в скверном. Я буду следить за своими словами.

- Возможно, уже поздно следить за своими словами.

- Ты - дерзкий слуга, Самон.

- Мы на грани уничтожения, повелитель, - сказал Самон, склонив голову, извиняясь. - Это - питательная среда для дерзости.

Они шли по широким проходам башни, проложенным глубоко в древних фундаментах. Несмотря на внушительный размер, шаги капитан-генерала были неторопливыми и почти бесшумными.

- Возможно, это наша последняя совместная война, - сухо произнёс Вальдор. - Соблюдай формальности, пожалуйста.

Не знаящие капитан-генерала могли предположить, что ему были чужды смертные эмоции. Это было не совсем так, хотя Самону потребовались годы близкого знакомства, чтобы начать замечать их.

- Она не будет похожа на те, что были прежде, повелитель, - сказал Самон.

Вальдор на мгновение задумался над его словами, но продолжил идти, как ни в чём не бывало. Впереди замаячили большие медные ворота, отмеченные эмблемой грома и молнии легио.

- Или будет очень похожа, - сказал капитан-генерал. - Все вещи повторяются. Все жизни проживают бесконечное количество раз. - Он едва заметно улыбнулся. - Хитрость заключается в том, чтобы приветствовать это. Желать, чтобы оно произошло снова, как происходило в прошлом, настоящем и произойдёт в будущем.

Самон привык к философским размышлениям своего господина. Как и все они, капитан-генерал был учёным не меньше, чем воином, хотя поговаривали, что после Просперо он стал уделять книгам больше времени, чем раньше.

- Тогда мы будем сражаться вечно, - сказал Самон, когда открылись двери.

- Не стоит об этом жалеть, - произнёс Вальдор, проходя через них. - Так или иначе, это всегда было нашей судьбой.

Выбитые стёкла валялись доходящими до колена кучами по всем старым улицам Тизки. Осколки стали багровыми, отражая кровь победителей и побеждённых на ведущих в центр города узких улочках. Ревущие небеса стали чёрными, словно пролитый горящий прометий. Обжигающие ветры проносились по каньонам обломков, увлекая за собой неповоротливые камни и вздымая облака пепла на высоту видневшихся вдали пирамид. Земля под ногами дрожала, точно барабан под ударами огромных кулаков.

Рухнула колоннада, сломав остатки противотанкового заграждения, и ближайшие хрупкие стены зашатались. Самон пригнулся. Он тяжело дышал, сжимая рукоять потрескивавшего клинка часового. Далеко слева в выпаренном досуха канале он увидел крошечные тёмно-серые фигуры Волков, бегущих в пасть боя на другом участке фронта, ныряя и уклоняясь от встречного града лазерного огня.

Он наблюдал, как они уходили, на секунду восхитившись показной храбростью. Была некая раскрепощённость в Сынах Фенрису в битве: радость, чистота, искренность. Обученный на рассказах об их варварстве, он не ожидал, что они произведут на него подобное впечатление.

Он чувствовал, как сильно билось сердце. Трэллы в доспехах и пехота ауксии продвигались по обеим сторонам разрушенного шоссе, стараясь держаться ближе к гудам кристаллических осколков. Два кустодия братства Самона шли размашистым шагом во главе наступления, осторожно осматриваясь, ступая в тени сильно обгоревших зданий.

Он чувствовал грохот приближавшейся тяжёлой бронетехники. Десантно-штурмовые корабли бесстрашно летали в испещрённых молниями небесах на фоне кричащей в муках планеты. Взрывы раздавались с регулярностью часового механизма, некоторые вдали, многие близко, все они сотрясали скелетные остатки огромных пирамид, всё ещё неясно вырисовывавшихся на северном горизонте.

Самон участвовал во многих войнах в легио, но ничто не могло подготовить его, и вообще никого, к Просперо. Это было сражение, которое велось на каждом уровне чувственного восприятия, - сама реальность слегка дрожала, когда в ярости сошлись два Легионес Астартес. Сам воздух почти потрескивал под воздействием какой-то нечестивой магии, от которой горели глаза и чесалась кожа.

Он посмотрел вниз и только тогда увидел, что присел над наполовину заваленным обломками телом

космического десантника Тысячи Сынов, шлем был сломан, показывая искалеченное лицо. Колдун был мёртв, его нагрудник разрубили широкими разрезами огромного клинка. Несмотря на ужасные раны, казалось, что космический десантник готов восстать из пыльной могилы и сражаться снова.

Самон уже убил многих из них. Они не умирали легко, эти ведьмаки, и были по своему опасны, но их неповиновению пришёл конец. Детали истории могли отличаться, но конец всегда был одним – легио побеждал, как и всегда с тех пор, как обнажил оружие рядом с Повелителем Человечества. Это не первые колдуны, которых вычеркнули из существования под знаменем Объединения, и не последние.

Он встал на ноги и присоединился к равномерному продвижению колонн к концу улицы. Рядом с лёгким гулом пролетел гравитационный транспорт “Коронус”, поддерживаемый мерцающим туманом, отбрасывая и рассеивая блестящие осколки. За ним быстро двигались сто пехотинцев ауксии, обходя пылающие обломки и вода из стороны в сторону лазерными прицелами.

Ближайшие символы наложенного изображения на секторе обзора Самона соединились, и он вышел на перекрёсток двух важных магистралей. Длинный проспект разбомблённых и пустых хабов простирался параллельно прямой оси, по которой в густом тумане выхлопных газов неумолимо продвигались на север батальоны бронетехники VI легиона. Приглушённые удары доносились с позиций впереди, пока вёлся дальнобойный обстрел укрепившегося противника.

Волки были здесь не одни. Терминаторы-аквилонцы в сопровождении рассредоточившихся поисковых групп Сестринства двигались по усыпанной обломками разделительной полосе. В их числе был и Вальдор, его длинный плащ развевался на кружившем пепел ветру. Больше шестидесяти кустодиев легио, плюс сотни пехотинцев поддержки и регулярных подразделений ауксии собирались для наступления на север.

Казалось, что бой почти не коснулся капитан-генерала. Его доспехи находились в почти первозданном состоянии, испуская отражающую ауру под почерневшими небесами Просперо. Его Аполлоново копье кипело энергией, окутав золотое древко короной ложного солнечного света. Он двигался так, как всегда двигался перед битвой – гордо, уверенно, размеренно.

Самон склонил голову, приблизившись.

- Мрачная работа, вестарий, – произнёс Вальдор.

- Именно так, повелитель. Теперь, когда я вижу это место...

Он хотел сказать, что желал увидеть его полностью уничтоженным – он стал свидетелем колдовства такого масштаба и порочности, которые никогда не встречал – но так и не получил возможность договорить.

Показался тёмно-серый “Лэндрейдер”, украшенный кроваво-красным орнаментом в виде извивавшихся змей. Это был первый из более чем двадцати таких же военных транспортов, которые на безумной скорости мчались по обломкам и расшвыривали их, как корабль носовую волну.

На мгновение Самон даже не узнал Лемана Русса. У него были определённые представления о примархах: что они шагали во главе своих армий, отдавая приказы чёткими голосами, как и его господин. Он не ожидал, что они едут на войну, свисая на руке с личного транспорта и размахивая адским мечом, словно берсеркер.

- Константин! – крикнул Русс, спрыгивая на ходу с “Лэндрейдера” и двигаясь размашистой тяжёлой

походкой. Его клинок, который один из имперских учёных назвал *"Горестная Ночь"*, но сами Волки называли *"Мьялнар"*, мерцал с болезненной серебристо-белой злобой.

Волчий Король в накинутах покачивавшихся шкурах направился к капитан-генералу. Остальные воины спрыгивали с останавливающихся в контролируемых заносах *"Лэндрейдеров"*. Это были вооружённые секирами и морозными клинками Варанги, обильно залитые кровью терминаторские доспехи которых покрывали многочисленные клочки меха и костяные тотемы.

Вальдор ждал его в окружении почётной стражи. Кустодии были выше своих визави и, несомненно, являлись опытнее в некоторых искусствах боя, но в Варангах ощущалась какая-то скрытая угроза, исходящая с каждым уверенным движением, от которого стыла кровь.

- Почему ты так чертовски долго? - произнёс Русс, и сплюнул на землю полный рот слюны. Он единственный был без шлема - Самона поразила граничащая с безумием демонстративная и высокомерная самоуверенность. - Мы убивали ведьмаков и без твоих Сестёр, притуплявших их клыки.

Вальдор немного напрягся:

- Это было ваше желание атаковать первым, лорд, - сказал он.

- Верно, - рассмеялся Русс. Странный свет появился в его звериных глазах, Самон подумал, что он выглядел наполовину сумасшедшим. - Верно! Но ты не торопился, когда пришёл приказ.

Приказ. Ни один живой человек не мог отдать приказ капитан-генералу, кроме его создателя.

- Мы завершили высадку, - спокойно произнёс Вальдор. - Мы наступаем по всем фронтам, и сестринства рыцаря-командующей теперь развёрнуты по всему городу.

Из горла Русса донёсся низкий рык, от звука по спине Самона побежали мурашки.

- Это станет удавкой на их шее. Это сокрушит их. Глаза Хель, я научился ненавидеть этих ублюдков, но он всё ещё ускользает от меня.

- Он вообще на планете? - с сомнением спросил Вальдор. - Мы ничего не обнаружили.

Русс подошёл к Вальдору. Он был немного ниже, гораздо шире, его доспехи покрывала кровь и грязь, а Вальдора остались нетронутыми.

- О, да, - прошептал он, и вызывавшая замешательство дикая улыбка появилась на его лице. - Я чую его запах. Я чую, как он прячется в собственной грязи и боится меня.

Вальдор оставался бесстрастным:

- Даже сейчас я доставил бы его на Терру, если получится. Я хочу узнать почему.

Русс рассмеялся грубым лающим резким звуком, забрызгав слюной лицевую панель Вальдора:

- Ты всё ещё цепляешься за это? Ха! - Он отвернулся, небрежно взмахнув огромным клинком. - С тех пор как я впервые увидел эту планету, я знал, что мы столкнёмся друг с другом. Я пришёл сюда не за заключёнными, Константин. Если мой Отец желал бы именно этого, то Он не отправил бы меня.

- Вас отправили не одного, лорд Русс.

Русс оглянулся на Вальдора, и лукавая улыбка появилась на клыкастом лице:

- О, вот в чём дело, не так ли? - Он снова рассмеялся, но на этот раз в звуке был лёд. - У тебя власть Магистериума и ты не желаешь расставаться с ней. - Русс опять шагнул к нему. Он постоянно двигался, неугомонный, словно буря, заключённая внутри ложной человеческой оболочки. - Не пытайся применять Закон *ко мне*. Ты утверждаешь, что говоришь от имени моего Отца, но в тебе нет Его крови, не так ли? В отличие от нас. Вот, что действительно задевает тебя, правда? Вы - Его *инструменты*. Он отбросит вас в любой момент, когда захочет. Мы - другие. Мы. Мы - *семья*. - Русс издал громкий утробный смех, развеселённый идеей. - Тебе никогда не понять этого.

Вальдор молчал, прежде чем ответить, похоже, искренне изумлённый.

- В сказанном так много ошибок, - наконец произнёс он, - что даже не знаю, с какой начать.

Но он так и не успел ответить. Новые артиллерийские взрывы расцвели в конце проспекта. "Лэндрейдеры" запустили дымящие двигатели, а гравитационные танки развернулись, выслеживая появившиеся цели. Вдали, где обрушилась одна из множества огромных пирамид и облака превратились в чернильный вихрь, двигался враг.

- Они зашевелились! - радостно взревел Русс, бросился к "Лэндрейдеру" и запрыгнул на подножку. Волки закричали боевые кличи и застучали клинками по доспехам, предвкушая новый бой. - Постарайся не отстать, Константин, рано или поздно тебе придётся испачкать свою броню.

И колонна с грохотом двинулась дальше по разрушенному проспекту в сопровождении бегущих стай Серых Охотников и отрядов верной ауксили.

Самон наблюдал, как они уходили. Аквилонская стража стояла неподвижно, лицевые панели их шлемов выглядели великолепно безучастными.

- У него... у него всё в порядке с головой, повелитель? - рискнул Самон, вопросительно посмотрев на Вальдора.

Вальдор ответил не сразу. Он наблюдал, как Волки мчались в битву, улюлюкая и крича. Было невозможно понять, что он думал за украшенной маской из аурамита и сердолика.

- Примархи, - наконец произнёс он единственное иссушающее ругательство, которое в устах капитан-генерала Десяти Тысяч впервые прозвучало почти как проклятье.

- Вы отклонили наше предложение о помощи, - произнёс Дорн.

- Мы ничего не отклоняли, - возразил Вальдор. - Вы знаете, откуда исходил приказ.

- И вы ни разу не усомнились в нём.

- Разумеется, не усомнился, - устало вздохнул Вальдор. - Сомнение в приказах пока не продемонстрировало впечатляющих результатов, не так ли?

- Как и следование им, - мрачно сказал Дорн.

Напряжение между ними было очевидным, несмотря на неформальную обстановку. Примарх Рогал Дорн был без доспехов, он предпочитал надевать их только тогда, когда отправлялся на войну. Облачённый в

одежды монаха-воина он как обычно выглядел по-спартански. Эффект усиливали несколько отросшие белые волосы. Многочисленные каменные столы в его личных покоях были завалены неизбежными атрибутами имперской бюрократии: капсулами с приказами, тактическими докладами, неисчислимыми запросами об аудиенции или поддержке. Несмотря на закрытые и запертые двери, Самон догадывался, что десятки адъютантов по-прежнему толпились за ними, ожидая своей очереди предстать перед непредсказуемым настроением лорда-командующего.

И всё же в данный момент здесь были только они трое, в центре лишённого окон и напоминавшего келью святилища Дорна, копясь в старых ранах перед грядущим штормом.

- Есть дни, - произнёс Дорн, - когда я думаю, что никто из нас не избежал проклятья.

- Проклятья? Не думал, что вы склонны к мнительности.

- Не склонен. Все мы должны учиться новому, - Дорн откинулся на спинку тяжёлого трона, позволив ауре контроля на мгновение исчезнуть. Сейчас он выглядел точно какой-то древний полководец, который укрылся в разрушавшейся цитадели от приближавшихся волн уничтожения. Самон старался не встретить его пристальный взгляд.

- Ситуация остаётся прежней, - сказал Вальдор, возвращаясь к теме разговора. - Император удерживает прорыв под Дворцом. Механикум работает над возможностью освободить Его от этого долга, но мы с вами оба знаем, что они не успеют за оставшееся время.

- Действительно ли она осталась *прежней*? - спросил Дорн. - Вы могли отступить раньше. Скажите мне, Константин, чего вы добились, цепляясь там так долго? Вы все скорее умерли бы, следуя приказу, чем воспротивились бы ему.

- Я не вижу...

- Это было безнадёжной затеей! - воскликнул Дорн. - Я пытался предупредить вас. Не было никакой надежды удержать эти врата, если мы не направили бы все силы в нашем распоряжении. Но нет, только *чистые* могли рисковать. И посмотрите, чем всё закончилось.

- Приказ был отдан.

Дорн улыбнулся цинично и без теплоты:

- Видите в этом ваша старая проблема. Вы всегда считаете Его непогрешимым. Вы никогда не отступаете. Вы никогда не останавливаетесь, подумайте, скажите самому себе - это разумно? - Он сложил большие мозолистые ладони. - И теперь вы оказались перед величайшей дилеммой за всё своё существование. Вы были созданы стать воплощением Его воли, но мы больше не знаем, в чём она состоит. Вы - Его Голос, но Он - молчит. Вы сейчас можете думать сами за себя, капитан-генерал? Именно это требуется.

Самон едва осмелился посмотреть на Вальдора. Никто, даже Русс, который буквально состоял из бахвальства, никогда не осмеливался говорить с таким уничижительным пренебрежением с его господином. И всё же, когда, наконец, он взглянул на его благородный лик, то не увидел никакого гнева, только некоторую задумчивость.

- Мы были верны, - спокойно ответил Вальдор. - Я наблюдал за созданием вашего братства. Я изучал вас. Я видел опасность в вас с самого начала и смотрел, как вы сражались, действовали и ссорились. И

всё же я ничего не сказал. Если и было время усомниться в приказе, то, возможно, оно было тогда. Но момент был упущен, и вскоре настало время вашего великого успеха. Я буду честен с вами, потому что вы были честны со мной. Я никогда не верил, что вы станете настолько смертоносными. Я видел, как быстро вы покоряли миры и говорил себе: возможно *поэтому* вас и создали именно такими. Это было вашей великой победой – вы стали неприкосновенными.

Дорн внимательно слушал. Как и Самон.

- Но теперь мы видим не выявленные при вашем создании ошибки, – продолжил Вальдор. – Я должен был сказать раньше. К тому времени как война пришла сюда, момент был упущен, и все мы оказались пойманы в ловушке наших судеб. Вы говорите, что защита туннелей была обречена? Возможно, была. Я сражался в других войнах – больше чем вы можете представить, – которые также были обречены, но всегда играли какую-то роль в Его плане. И я по-прежнему верен этому. Единственный фактор, который нельзя было просчитать... – и он посмотрел прямо на Дорна, – вы.

Холодная улыбка Дорна исчезла.

- И как всегда виноват кто-то другой, – произнёс он. – С первой нашей встречи, Константин, вы так и не смогли полностью изгнать презрение из ваших слов. О, вы были вежливы. Я никогда не встречал никого учтивее вас. На самом деле это не слишком задевало меня, – примарх переместился, подавшись вперёд на троне и ткнув пальцем в сторону капитан-генерала. – Пусть вы и смотрите на нас свысока, но мы занимались *делом*. Мы строили империю, пока вы размышляли над тонкостями закона, что связывает вас. Мы принимали решения о том, какие планеты сгорят, а какие спасутся. Я предпочитаю кровь на руках книжным чернилам.

На мгновение Самон подумал, что Вальдор может резко ответить – дать выход гневу, на который он, конечно же, был способен. На несколько долей секунды двое смотрели друг другу в глаза, словно участвовали в каком-то невидимом испытании силы воли.

- И всё же задача перед нами осталась, – наконец сказал Вальдор. – Я пришёл посоветоваться, а не спорить. Мы знаем, что Луперкаль скоро будет здесь. Вы – лорд-командующий. Я наделён властью Магистериума. Впредь мы должны выступать с единых позиций, чтобы дальнейший раскол не мешал приготовлениям.

Дорн посмотрел на пол, задумчиво сложив пальцы. Самон видел изгиб его могучих плеч и мог представить вес всего Империиума, лежащий на них.

- Я скажу то, что требует моя душа, – медленно произнёс Дорн. – Если мои слова покажутся вам резкими, то не считайте их оскорблением. У меня не осталось времени ни на что другое – настала пора неприкрытой правды. – Он посмотрел на Вальдора окружёнными тенями от недосыпания глазами. – И правда такова. Ваши силы истощились за время войны. У вас меньше тысячи воинов в строю и половина из них под ножами аптекариев. Мой отец молчит и не может направлять вас. Магистериум – пустое слово. Я не сомневаюсь, что вы будете сражаться, когда придёт время, и пожнёте столько же, сколько и всегда, но теперь ваше место рядом с Троном, а не на стенах.

Самон слушал, не в силах сдержать бурливший внутри позор, пока примарх излагал своё мнение. Сила слов заключалась не в том, как их произносили, а в них звучала скорее горечь, чем презрение, а в том, что их вообще произносили.

- У вас огромные заслуги, капитан-генерал, – сказал Дорн, стараясь контролировать жёсткость в голосе.

- Но эта война больше не ваша. Она будет закончена легионами. Если вы хотите остаться её частью, вам придётся найти способ приспособиться.

Наступил апокалипсис, опустошавший остатки разрушенного города и превращавший его в летающие шквалы пыли и обломков. С разрушением павшего примарха великая пирамида пошла трещинами, испуская яркий свет, а затем взорвалась в кружащуюся колонну обжигающей глаза плазмы, пронзившей небеса.

Воинов подбросило в воздух, швыряя в ободранные бурей стены уцелевших зданий. Мчавшиеся по эстакадам танки переворачивались, и даже далёким силуэтам титанов пришлось склониться перед налетевшим ураганом.

Самон крепко держался за балюстраду башни, чувствуя мощные порывы необычного шторма. Клинок часового вырвало из руки и унесло в вихре. Далеко внизу на огромной площади Волчий Король шагал сквозь шум, и рычал от гнева и разочарования. Его доспехи, опалённые колдовством великого врага, стали чёрными, как смола, а лезвия могучего меча сверкали в бессильной ярости.

Вальдор стоял высоко, равнодушно смотря на надвигавшуюся бурю. Плащ развевался и обвивался вокруг него, как живое существо, хотя сам капитан-генерал оставался неподвижным, нетронутым, всё ещё великолепным, несмотря на кровопролитие и неприкрытый ужас гибели легиона.

Самон изо всех сил пытался устоять на ногах. Он чувствовал, как под ботинками дрожали камни башни. Трещины протянулись по каменной кладке, выбивая раствор из швов.

- Повелитель, - убеждал он, изо всех сил стараясь не упасть. - Нам нужно уходить.

Вальдор не ответил, сжимая копьё руками в перчатках. Внизу к приливной волне шума присоединились мистические крики. Меньшие пирамиды разрушались, мерцая разноцветной молнией и скользя в забвение.

- Повелитель, - снова попробовал Самон.

- Он выпустил то, чего не понимает, - медленно и взвешенно произнёс Вальдор, наблюдая за Руссом вдаль. - Точно так же, как и Магнус до него. Что происходит с ними со всеми? Откуда у них взялась эта чудовищная *гордыня*?

Ещё больше плит потрескалось, и Самон услышал вздыхающий скрип ломающегося камня. Не осталось никаких признаков примарха Тысячи Сынов, только бесконечный рёв его убийцы. Самон, покачиваясь, направился по шатавшимся плитам к Вальдору, и осмелился вытянуть руку, чтобы оттащить его от края.

Но, в конце концов, капитан-генерал отвернулся. Пока обломки гбнувшего мира разлетались в яростных вихрях, он, наконец, снял шлем. Послышалось шипение, и Вальдор впервые вдохнул нефильтрованный воздух обречённого Просперо.

Капитан-генерал был в ярости. Никогда прежде Самон не видел столь чистого гнева на обычно неумолимом лице.

- Они - архитекторы этого, - сказал Вальдор, обращаясь к буре. - Все они.

Он повернулся и посмотрел на своего трэлла:

- Это можно было предотвратить, - мрачно произнёс он. - И всё же когда час настал, мы просто наблюдали за их рождением.

Башня оставалась тёмной. Обещанная Механикум помощь так и не поступила. Кузни звенели каждый день и каждую ночь, и всё равно не хватало клинков для тех немногих, кто мог ими владеть. Многие умерли на медицинских столах, потому что даже их генетически закалённые тела не могли сопротивляться незаживающим язвам, которые нанесли мечи демонов.

В последующие дни после встречи Вальдора и Дорна внимание Самона поглотила тысяча задач. Те, кто всё же выжил, нуждались в уходе. Те, кто мог сражаться, нуждались в перевооружении. В прошлом башня легко получала всё, что требовала. Теперь настали трудные времена, и голос легио стал тише. Снаружи ходили слухи, что вернулись новые легионы, успев на Терру до наступления Гора, и умы обратились к этой надежде. В такой обстановке кустодии отошли в тень, став невидимыми для всех, кроме, возможно, Малкадора, который задыхался под собственным бременем.

И всё же боеготовность постепенно восстанавливалась. Башню повторно укомплектовали и укрепили, оборудование и снаряжение неуклонно возвращались в эксплуатацию, и несмотря ни на что постоянные дежурства в Тронном зале ни на секунду не ослабевали. Древние планы обязанностей для оставшейся Кустодианской Гвардии и немногочисленных Сестёр Тишины, покинувших подземное поле боя, пересмотрели, как и схемы развёртывания в случае чрезвычайной ситуации.

Самон тренировался столь же упорно, как любой из его братьев. Он, наконец, получил новый меч, пусть и без любимой прекрасной гравировки, но всё равно смертоносный. Он входил в боевые клетки уже с другим отношением, чем прежде. Старым идеям несомненного превосходства пришёл конец, они сменились чем-то новым - привкусом мести. Он видел то же самое во всех, кто пережил резню. Они снискали несмыслимый позор, и превратили его в ещё одно небольшое преимущество, способ сражаться быстрее и лучше, чем те, кто придёт уничтожить последних из них.

Каждый раз, нанося удар новым мечом, Самон вспоминал прощальный взгляд усталых глаз Дорна. *Эта война больше не ваша.* Это стало вызовом, вечной шпорой в их плоти, подгонявшей из горя в гнев.

Вальдор тем временем стал самым деятельным среди них, он лишился поддержки трибунов, раньше занимавшихся самой насущной работой в легио, но также и освободился от наиболее обременительных требований Сенаторум Импералис и смог посвятить свою громадную энергию собственному ордену.

Самона долгое время не вызывали к нему. Когда он всё же увидел своего господина, это произошло перед возвращением Хана, когда вся Терра в ожидании смотрела в космос, а не в глубины разросшегося Дворца.

Он поднялся по длинной извилистой лестнице, ведущей к смотровому парапету на северном краю башни. Отсюда открывался вид на колоссальные укрепления Внутреннего Дворца, которые всё ещё достраивали и повторно укрепляли, снова и снова, словно оказавшись во власти некой навязчивой идеи. Солнце садилось, придавая тёмно-красный оттенок окружающему зданию мареву.

Капитан-генерал ждал его, наблюдая за пейзажем приближавшейся осады.

- Ты разочаровался во мне, вестарий, - произнёс он.

Застигнутый врасплох Самон попытался возразить.

- Ты думаешь, что я должен был бросить вызов лорду-командующему. - Вальдор посмотрел на него. - Ты действительно считаешь, что я не заметил?

- Вовсе нет, повелитель.

- Мы оба видели результаты раздора между братьями. Никакая чуждая сила не сделала это с нами - мы сами пошли друг на друга, ведомые гордыней и человеческой обидой. Я не собираюсь приумножать это.

Самон кивнул. Он мог понять логику капитан-генерала, но оскорбление всё ещё терзало.

- И что дальше? - осторожно спросил он.

- Император снова заговорит, - ответил Вальдор. - Он восстановит то, что мы не смогли сохранить. Молчание закончится. До тех пор наша задача - выстоять.

- И больше ничего?

Губы Вальдора сложились в подобие улыбки:

- Ты хочешь большего. - Он посмотрел в небеса, туда, где стаи атмосферных транспортов парили между эскадрильями десантно-штурмовых кораблей. Намного больший флот собрался за пределами его взгляда, встав на страже Тронного Мира перед грядущим часом атаки. - Мы видели, как Восемнадцать пришли, мы видели, как они пали, мы увидим, как они снова исчезнут. То, что они воспринимают, как слабость, является тем, что защищает нас от их ошибок.

Солнце заходило, и тени между шпилями слились.

- Они оба обращались к Магистерии, Дорн и Русс, - продолжил Вальдор. - Они думают о нём с точки зрения осуществления власти. Я не виню их в этом, они - существа власти, созданные для доминирования. Но они ошибаются. Термин более старый, чем они думают. Он означает интерпретацию истины, раскрытую через взаимодействие с источником. Мы его переводчики, а не хозяева. Мы - его рабы. Это - наш первый урок. Всё остальное - вторично.

На восточном небе показались тусклые пятнышки звёзд, их блеск затмевала растущая пелена городского смога.

- Это можно было предотвратить? - спросил Самон.

Вальдор не посмотрел на него. Он по-прежнему не отводил взгляда от темнеющего неба.

- Зачем спрашивать то, что невозможно узнать? - сказал он. - Такова доставшаяся нам судьба.

На городском пейзаже, омрачённом укреплениями лорда-командующего, вспыхнули прожекторы. Из-за них громадная конструкция Внутреннего Дворца, сооружения, которое сейчас стало для Императора темницей не меньше, чем защитой, приобрела кровавый оттенок.

- Он заговорит, - уверенно и твёрдо произнёс Вальдор. - Все вещи повторяются. Наше время снова придёт.

Источник — [https://wiki.warpfrog.wtf/index.php?title=Магистериум_/_Magisterium_\(рассказ\)&oldid=20588](https://wiki.warpfrog.wtf/index.php?title=Магистериум_/_Magisterium_(рассказ)&oldid=20588)

Эта страница в последний раз была отредактирована 29 июля 2022 в 10:19.